

Ф.В. Ливанов

Раскольники и острожники

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.В. Ливанов**
Раскольники и острожники: Том 2 / Ф.В. Ливанов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 630 с.

ISBN 978-5-517-97711-3

ISBN 978-5-517-97711-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская второй томъ вторымъ изданіемъ, мы должны сказать, что въ этомъ томѣ заканчиваемъ Исторію Молоканъ и Духоборцевъ въ XVIII вѣкѣ. Въ послѣдующихъ томахъ идетъ разработка сихъ сектъ съ царствованія Императора Александра I. Можемъ сказать безъ преувеличенія, что въ изданіяхъ нашихъ въ первый разъ является въ Россіи и за-границею разработка извѣстныхъ доселѣ только по слуху сектъ Молоканской и Духоборческой, и разработка по документальнымъ источникамъ, слѣдовательно непроверженнымъ... Мы коротко знаемъ, что изданныя нами книги по своимъ источникамъ и разработкѣ оныхъ послужатъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій сихъ любопытныхъ сектъ, и книги наши проживутъ, какъ и officialный VIII томъ о раскольникахъ Н. Варадинова, столѣтія; потому не намъ обращать серьезное вниманіе на завыванія бездарныхъ рецензентовъ—неучей, имѣвшихъ дерзость кричать безъ смыслу и чести въ наши книги въ пользу темнаго раскола и, можетъ быть, въ угоду золотымъ ибштамъ раскольничьямъ... Мы душевно благодарны тѣмъ дѣйствительнымъ знатокамъ раскола и сектъ русскихъ, въ числѣ коихъ многими профессорамъ, почтившимъ насъ печатнымъ разборомъ и привѣтственными письмами, которые съ умомъ, знаніемъ и добросовѣстностію отнеслись къ нашимъ изданіямъ. Многимъ изъ ихъ замѣчаній мы воспользовались съ благодарностію и впредь воспользуемся съ охотою. Мы цѣнимъ также лестные, письменныя къ намъ обращенныя отзывы о нашихъ трудахъ Епархіальныхъ Висконовъ, Ректоровъ Семинарій и Губернаторовъ, запасшихся значительнымъ количествомъ нашихъ книгъ для подвѣдомственныхъ ихъ управленію лицъ. Мы больше всего опасались нареканій отъ православнаго духовенства за «Молоканъ и Духоборцевъ» и, къ чести онаго сказать, никто изъ этого духовенства не привѣтствовалъ наши труды иначе, какъ съ благодарностію. «Ваши книги, писалъ, напр., какъ одно изъ просвѣщенныхъ высшихъ духовныхъ лицъ, извѣстное въ Россіи своими ученіями, но сектантскими дѣланъ, трудомъ, — доставляютъ намъ истинное удовольствіе; онѣ важны не для насъ только, но и для всѣхъ русскихъ людей, провинутыхъ сочувствіемъ къ родному просвѣщенію. Онѣ вносятъ новый свѣтъ въ наши взгля-

ды, и за них Вы получите много благодарностей от Россіи». Наконецъ сами бывшіе раскольники въ журналѣ «Истина» отзывались съ большою похвалою о нашихъ изданіяхъ и искренно благодарятъ за безбоязненное раскрытіе правды во всей ея наготѣ... Вотъ этотъ честный голосъ самихъ раскольниковъ для насъ дорогъ!... Онъ доказываетъ ясно, что честные люди способны прямо взглянуть правдѣ въ лицо, не обижаясь ея суровостію... Только торгаша расколомъ, скопчествомъ и т. п. могутъ, какъ кроты, немогутъ сносить свѣта солнечнаго, рыть противъ насъ подземныя шны... съ помощію продажныхъ нисакъ литературныхъ... И такъ людямъ умнымъ, дѣйствительнымъ знатокамъ роскоша, публикѣ, способной оцѣнить правду, лицамъ высшей администраціи въ Россіи и, наконецъ, самимъ бывшимъ раскольникамъ мы понравились. Кому же мы не понравились? Не понравились бездарности литературной да коноводамъ раскола, коихъ мы дѣйствительно бьемъ по самому чувствительному мѣсту, по карманамъ... Мы отыскаемъ отъ нихъ массу народику, изъ которой они высасываютъ кровь и которую топчутъ въ тинѣ невѣжества и тьмѣ крошечной... снимаемъ съ пьедесталовъ жалкіе кумиры, на которые, въ слѣпотѣ своей, масса молилась... Литературные неучи накидываются на насъ за то, что мы взгляды, господствовавшіе доселѣ въ литературѣ, назвали дикими и круто повернули съ «раскольничьимъ вопросомъ». Мы смѣялись надъ тѣми невѣжественными писателями, которые, по скудоумію и блаженному невѣденію, писали, что расколъ есть сила... надежда Россіи... великое будущее въ государствѣ. Расколъ былъ дѣйствительно сила, хотя и темная, но теперь онъ добная корова миллионеровъ плутовъ и ловкихъ безнравственныхъ пройдохъ, взявшихся вмѣсто поденщины на рынкѣ за архіерейскія митры... Красноурчалыве всего ваши слова подтверждаютъ постоянные въ послѣднее время переходы лучшихъ людей изъ раскола въ единоувѣріе и православіе, искренно признающихъ нынѣ, что не поддерживай литература безъ толку и смыслу ихъ невѣжества прежде, они давнымъ бы давно оставили мрачныя заблужденія... были бы давно, быть можетъ, профессорами въ университетахъ, двигателями науки, представителями администраціи, жрецами искусствъ. А теперь они представители лишь тьмы и больше книгъ кожаныхъ ничего не знаютъ. Но прежней литературѣ нашей расколъ былъ нуженъ какъ «вѣшалка», на которую всякій, въ порывѣ либерализма, навѣшивалъ что хотѣлъ и что ему было нужно... Теперь же времена грошovýchъ либераловъ прошло: нынѣ могутъ быть слушаемы только либералы умные, знающіе, сильные здоровьемъ, смысломъ и солидностію своихъ воззрѣній. Не отцы, такъ дѣти и внуки раскольничей массы, выбравшись изъ тьмы крошечной, изъ за тѣпихихъ станковъ бурлаковъ - миллионеровъ, скажутъ намъ впоследствии искренное «спасибо» за нашу ихъ помощь... Въ очеркахъ «Проклятый раскольничій сынокъ», и «Раскольничья дочка» мы напѣтали тотъ путь, по которому должно идти молодое поколѣніе раскольниковъ, и увѣрены, что тины, въ сихъ очеркахъ нами очерченныя, будутъ впоследствии не новость въ землѣ Русской... Исторія государствъ, въ которыхъ есть свободное печатное слово,

доказываетъ намъ, что каждый изъ гражданъ такого государства можетъ считать свою репутацію довольно безопасною, не смотря на то, что его враги имѣютъ полную возможность безнаказанно сплетничать и клеветать у него за спиною... Въковой опытъ народовъ другихъ государствъ убѣждаетъ насъ, что противъ распространенія лжи и клеветы есть одно средство—это такое развитіе общества, при которомъ ни одинъ порядочный человѣкъ не будетъ слушать нелѣпыхъ сплетенъ... А въ такое развитіе русскаго общества мы вѣримъ!

РАСКОЛЬНИКИ и ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

I

РУСАНОВЪ

БѢЛЫЙ РАСКОЛЬНИЧІЙ АРХІЕРЕЙ

Въ 186* году довелось мнѣ быть въ селѣ Бѣлый Блужъ и остановиться по дѣламъ дня на два, на три. Село расположено среди распаханыхъ полей, близь оврага, опушеннаго лѣсомъ; нѣсколько кустовъ ракинъ, березъ и вельничка составляли все богатство растительной природы края. Мужики этого села были большіе краснобаи, и рассказамъ ихъ о прежней жизни не было конца... Жили они послѣ 19 февраля 1861 года на волѣ и значительно поправились. Въ селѣ видѣлось много новыхъ сосновыхъ срубовъ. Всѣ обыватели глядѣли стѣлѣ, занимались торгомъ, чему способствовало положеніе села на большой дорогѣ, и носили, вмѣсто прежнихъ лаптей, сапоги, смазанные дегтежъ. Избы ихъ видимо стояли какъ-то прямѣй, ворота плотно задирались, плетни и заборы не вываливались наружу и не звали въ гости всякую прохожую свинью. Въ избѣ, занимаемой мною и стоявшей на краю села, было довольно чисто. На стѣнахъ красовались картины: объ освобожденіи брестянь, молитва православнаго народа въ 19-е февраля и т. п. Между бревнами и по босякамъ оконъ не считалось рѣзвыхъ пруссаговъ и не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Я сѣлъ въ растворенному окну за вечернимъ чаемъ и глядѣлъ на улицу. Молодой парень, собиравшійся въ ночную съ лошадами, по-

явился на завалинѣ съ большой бѣлой жестяной кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной чашкѣ. Онъ поставилъ все эти припасы на скамейку, прислонился къ забору и началъ уписывать, съ улыбкой поглядывая кругомъ. Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, кудрявый и краснощекій, ѣхалъ верхомъ на водопои и съ трудомъ удерживалъ пѣгаго жеребца. Противъ моей квартиры, близъ опушки оврага, на расчищенной и разработанной полянѣ стоялъ одиноко этапъ, обнесенный желтымъ высокимъ заборомъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, выкрашенныхъ желтою краскою. У воротъ этапа инвалиды тревожно поглядывали на большую дорогу и видимо кого-то ждали. День былъ лѣтній и тихій. Дневной знойный воздухъ давно замеръ, вечерній холодокъ живоительно стлался по саду и пахнулъ мнѣ въ растворенное окно.

— Этапные, этапные идутъ! раздалось вдругъ на улицѣ.

И улица мгновенно наполнилась высыпавшими изъ домовъ ребятишками. Мужики, прислонившись къ заборахъ, ожидали партіи. Бабы высовывали головы въ окна и кричали на ребятишекъ. На улицѣ показалась партія ссыльныхъ и звукъ вандаловъ ихъ тоскливо раздавался въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. Сѣрые армяки заперстрили предъ окнами и поворотили круто къ этапу. Партіонный офицеръ, взглянувъ на мое растворенное окно и стоявшій на столѣ самоваръ, какъ-то странно улыбнулся и будто подувивнулъ головой. Я тотчасъ догадался, что онъ радъ былъ этой встрѣчѣ; и едва ворота этапа затворились, какъ я уже былъ у партіоннаго, славнаго малаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Черезъ пять минутъ мы оба пили чай въ моей квартирѣ. Среди разговора о томъ, о семъ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что у него въ партіи идетъ въ Сибирь арестовать *раскольничій архіерей*, съ которымъ онъ не разъ говорилъ и который, по его наблюденію, замѣчательная личность.

— Можно съ нимъ говорить? спросилъ я партіоннаго.

— Отчего нѣтъ? Онъ заинтересуетъ васъ.

— А есть и еще замѣчательные субъекты въ вашей партіи?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ партіонный. — Есть два головорѣза, три убійцы своихъ женъ, одна дѣвушка, утопившая своего дитя, и человекъ десять поджигателей дѣсовъ. Прочіе все, кажется, мазуришки — кто судился за взломъ амбаровъ, сундуковъ, кто просто за конобродство.

— Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, сказалъ я офицеру этапному, — если бы позволили раскольникъ архіерею побывать у меня здѣсь, разумѣется, въ сопровожденіи надлежащаго караула.

— Сдѣлайте милость? отвѣчалъ офицеръ.

Черезъ полчаса нашей бесѣды я распрощался съ партіоннымъ, а чрезъ часъ сидѣлъ въ моей квартирѣ и раскольникій архіерей, по фамиліи Русановъ. Я далъ караульнымъ на водеу и предложилъ имъ расположиться на крыльцѣ, или въ сѣняхъ, какъ они найдутъ для себя удобнѣе. Солдаты, довольные подачею, расположились на крыльцѣ. Мы остались съ Русановымъ въ избѣ двое, и я предложилъ ему чаю. Русановъ распоясалъ свой сѣрый армякъ и сѣлъ къ столу. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать фізіономію замѣчательнѣе Русановой. Онъ былъ лѣтъ 40. Широкая борода его закрывала до половины бѣлое лице; изъ подъ сросшихся бровей сѣло глядѣли большіе глаза. Носъ, заостренный книзу, придавалъ его фізіономіи выраженіе *смышленное и бойкое*. Русановъ слегка оперся руками на столъ и сидѣлъ въ позѣ чловѣка, далеко *не арестантской*... При малѣйшемъ его движеніи на стулѣ, ножныя кандалы издавали непріятный звукъ, и лязгъ желѣза производилъ тяжелое впечатлѣніе на душу. Русановъ вздрагивалъ при этомъ звукѣ и его какъ будто коробило. Долго у насъ разговоръ не клеился. Русановъ скрытничалъ, отиѣивался, отдѣивался полусловами, полурѣчами и наконецъ, когда я, своимъ *участливымъ* разговоромъ, своимъ неподозрительнымъ обращеніемъ и дружескимъ тономъ произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, онъ проговорилъ:

— Дѣлать нечего, такъ и быть, я расскажу вамъ исторію моей жизни безъ утайки! Вы чловѣкъ, я вижу, знающій, ну и я *попаметался*-таки, — стало быть *понимать васъ могу!*

И Русановъ началъ свой рассказъ, который мы передаемъ читателямъ, раздѣливъ его на главы.

I.

Распрощаніе съ житемъ.

Жилъ я, сударь мой, въ 1845 г. въ р—ской губерніи и былъ пошъ-щичьемъ *работомъ*, не простымъ, однако, мужикомъ, а конторщикомъ въ конторѣ князя В...го. Скверный, скажу вамъ, былъ чловѣкъ этотъ князюшка: мотъ, тиранъ, развратникъ, въ деньгахъ счету не зналъ и разорялъ крестьянъ своихъ не приведи Господи какъ! Въ городѣ жи-

вѣтъ бывало—только и знай, что денегъ тысячами посылай ему изъ конторы; въ село прїѣдетъ — крестьянскимъ дѣвкамъ вѣтъ житья, а мужиковъ и бабъ по цѣлому дню дереть въ конюшнѣ, даже часто изъ *собственныхъ рукъ*... Какъ бойкій малый, я былъ отданъ имъ, по двѣнадцатому году, въ губернской городъ для обученія конторскому занятію и вывезенъ потомъ въ деревню дватцати-трехъ лѣтъ, гдѣ и сталъ заправлять конторою барскою. Привелъ я эту контору князишѣ въ порядокъ и зажилъ-было ничего — лучше крестьянскаго, но одно обстоятельство повредило тутъ мнѣ навсегда. Полюбилась мнѣ старостина дочка Прасковья Борисовна, да такъ полюбилась, что мы жить другъ безъ друга не могли; дня, не свидѣвшись, не могли пробыть! Личикомъ она была бѣленькая, глаза черные, коса полная, ручки совѣтъ барскія. Говорила она мало и словно владучись, а на людей смотрѣла всегда въ половину глазъ, изъ подъ рѣсницъ. Отецъ ея былъ хотя и староста, но человекъ небогатый, ну, и въ рукахъ барина! Челядь барская вся за ней голялась и не давала покоя, но Параша, бывало, какъ сдвинетъ свои густыя брови, да какъ взглянетъ такъ *гордо* изъ подъ черныхъ рѣсницъ на нахаловъ, такъ тѣ и не шелохнутся. Съ однимъ мною она была ласкова и прїѣтлива. Ну, и я цѣнилъ ея любовь! День и ночь не выпускалъ ее изъ мыслей и дарилъ ей все, что только попадалось подъ руку въ городѣ. Стали мы и о свадьбѣ было поговаривать, какъ прїѣхалъ послѣ Пасхи на лѣто въ село князишка, которому наговорили про *гордость* Параша, про ея красоту и любовь ко мнѣ сердечную. Вскипѣлъ этотъ князишка желаніемъ увидѣть Парашу и отбить у меня... Какъ увидѣлъ онъ ее, такъ и сказалъ: „не видать, говорить, этому свиному рылу такой дѣвочки прежде меня!“ Два гайдуча князишки схватили однажды вечеромъ Парашу на улицѣ и привели въ спальню къ барину... Сказываютъ, что она сильно билась и молила что было силъ — ничто не помогло! Когда съ Парашей остался одинъ гайдучъ, а другой пошелъ докладывать князишѣ, что вотъ мошь *усобствоваши* вашему сіятельству эту дѣвочку, Параша, не будь дурна, рванулась у гайдуча въ сѣни, приперла его къ снальнѣ и, бросивъ свѣчку въ кудель, что была въ сѣняхъ, сама чрезъ гужно, да въ лѣсъ. Какъ обвинъ сухой всыпхнуть барскій домъ и гайдучъ чуть было не сгорѣлъ. Парашу кинулись искать. Привезли наконецъ ее въ село, заковали въ кандалы и посадили въ арестантскую. Что только было со мной, скажу вамъ, сударь, когда я увидѣлъ ее въ кандалахъ! Весь свѣтъ помутился у меня въ глазахъ...

Лишился я хлѣба совѣмъ, когда производили слѣдствіе о Парашѣ. Близшеѣ въ одинъ мѣсяцъ выстроили другой домъ; въ домѣ этомъ пьянствовали приказные до разсвѣта, и дѣло обдѣлали такъ, что черезъ годъ вышло рѣшеніе Парашѣ въ Сибирь. Я во все время слѣдствія почевалъ каждую ночь у нея подь окномъ и изнывалъ объ ея несчастной судьбѣ. Льетъ она, бывало, слезы ночью, а сама все просить меня не терзать себя и идти домой. „Простудишься“, говорить. Когда отравили ее въ острогъ, я не вытерпѣлъ и уѣхалъ за ней въ городъ. А самъ все думаю: не жить мнѣ безъ Парашы одному, не покину я ее изнывать въ тюрьмѣ и Сибири! Думалъ, думалъ я, да и рѣшился *бл-жнать*... Тутъ услышалъ я, что Парашу выгнали уже въ дорогу. Отецъ, мать и семья ея воротились изъ города и ревуть благимъ матомъ, инда земля стонетъ... „Живую, говорятъ, въ землю зарыли.“ Махнулъ я тогда рукой, перекрестился на крестъ своей церкви, тяпнулъ всю находившуюся казну въ конторѣ близшеѣ, сѣлъ на верховую лошадь и уѣхалъ сначала въ лѣсъ, гдѣ скрывался недѣли двѣ, а потомъ и наѣхалъ на слѣдъ Парашы. Гляжу, идетъ она въ партіи арестантской на работы въ заводы сибирскіе, и въ землю взоръ вперяла; сѣрый армякъ подпоясанъ ремнемъ, рука скована съ рукой другой бабы. Облилось у меня сердце кровью. Однако я выдержалъ, и проѣхалъ благополучно мимо *сибирныхъ*. У этапу въ деревнѣ я остался въ сторонѣ у воротъ поджидать Парашу. Долго показалось мнѣ время до вечера, когда въ сумерки, наконецъ, приблизилась партія къ этапу. У меня замерло сердце. Всѣ стали разбираться, кто въ этапъ, кто во дворъ.

— Здравствуй, говорю, Параша!

Какъ взглянула, сударь мой, она на меня, такъ и остолбенѣла. Заплаталась даже.

— Я обнялъ ее и припалъ къ груди дѣвической.

Караульные спросили меня, кто я? я сказалъ, что братъ Парашы.

— Иди прочь, тутъ не время растобаривать.

Однако я выпросилъ у нихъ за три рубля серебромъ видаться съ Парашею.

Тутъ рассказалъ я ей все и условился видѣться съ нею на этапѣхъ, то подь видомъ путешественника, то богомольца, то идущаго на заработки.

Наконецъ мы разстались, и я шелъ за Парашей, какъ условился, до Сибири.

На работах Параша вяла-вяла, и словно свѣчка *догорѣла*.... Я былъ на похоронахъ ея, своими руками вырылъ ей могилу, снесъ на своихъ плечахъ ея гробъ и не помню, какъ самъ замеръ на сырой землѣ. Меня подняли, допросили, потребовали вида и заподозрили *совѣсть*. Я рассказалъ всю правду, въ горячахъ, начальству. Меня засадили въ острогъ какъ бѣглеца и начали судъ да дѣло... *Озмился* я тогда до немоготы.

— Ужъ коли такъ, думаю, вы не хотѣли уважить моей горькой судьбы и страданій и засадили еще въ острогъ, такъ не достанусь же я вамъ! Будетъ, что сгубили одну душу. Выбралъ я ночь потемнѣй, разобралъ кирпичи у рѣшетки оконной, пустилъ кирпичемъ въ голову караульному, и убѣжалъ изъ тюрьмы уѣздной сначала въ лѣсъ, а потомъ совсѣмъ долой изъ Сибири. И сталъ я, значить, *совсѣмъ ужъ бѣлымъ*.

II.

Отшельникъ.

Ходилъ я долго изъ губерніи въ губернію, изъ лѣса въ лѣсъ, скитаясь точно Кайнъ, убившій брата своего Авеля. Днемъ и ночью не зналъ покоя. Ляжешь, бывало, въ лѣсу подъ сосенкою, вздремнешь и только забредешь, какъ кто нибудь стукнетъ въ лѣсу, или вьзъ отъ жару хряснетъ, ну и обомлѣешь. Вотъ тебя точно хватаютъ сзади и хотятъ заключить въ острогъ. Сѣверная эта *жизнь бѣлая*, доложу вамъ! Лучше бы скорѣе гдѣ нибудь повѣсили. Пройдешь иногда по какому нибудь селу вечеркомъ и заглянешь въ избы. Всѣ сидятъ передъ лучиною—хозяйнѣ плететь лапти, жена прядетъ, дочь шьетъ что нибудь, ребятишки влѣтти изъ щепокъ строятъ. изба хоть, напримѣръ, не большая—не царскія хоромы, а какъ подумаешь, что въ ней люди живутъ себѣ въ теплѣ и никого не страшатся, такъ и зависть сейчасъ возьметъ. Наконецъ, бродя вездѣ и проваливая свою жизнь, я наткнулся въ костромской губерніи въ одномъ лѣсу на отшельника. Жиле его я сначала принялъ за берлогу медвѣжью. Въ полугорѣ, близъ ручья, подъ густыми кустами, видѣлась дверь не дверь, а что-то похожее на западню. Спратавшись въ кусты, я рѣшился подкараулить, кто тутъ живетъ? Пролежалъ день. Вечеромъ, какъ закатилось солнце, смотрю: вышелъ изъ западни сѣдой, какъ лунь, старикъ и погрузившись въ воду три раза одѣлся, поклонился на четн-